

Н. В. БАРАНСКАЯ

ЕЩЕ ОБ АВТОРЕ «ОТРЫВКА ПУТЕШЕСТВИЯ В** И** Т**»

Спорный вопрос об авторе «Отрывка путешествия в ** И** Т**», помещенного в «Живописце» Н. И. Новикова (1772, ч. I, листы 5 и 14), продолжает привлекать внимание исследователей.

Последней работой, посвященной этой проблеме, является статья Л. В. Крестовой «Из истории журнальной деятельности Н. И. Новикова (Кто был автором «Отрывка путешествия в ** И** Т**» и «Писем к Фалалею»)». ¹ Л. В. Крестова поддерживает гипотезу об авторстве Новикова, которую развивает Г. П. Макогоненко. ² Часть из его доводов Л. В. Крестова отвела, иные дополнила и, кроме того, выдвинула новые. ³ Однако вопрос об авторе «Отрывка» еще рано считать решенным.

Гипотеза об авторстве Новикова у Г. П. Макогоненко и Л. В. Крестовой основывается, как будет показано ниже, на ряде ошибочных положений. Основная их ошибка заключается в принципиальном игнорировании художественной формы произведений, автора которых надо установить.

Вступая в борьбу за Новикова-писателя, Г. П. Макогоненко объявляет свой план исследования: это — анализ «идейного со-

¹ «Исторические записки», 1953, № 44, стр. 253—287. То, что автором «Писем к Фалалею» является Фонвизин, я считаю доказанным работами А. Н. Лурье и И. В. Исакович (см. «Ученые записки ЛГУ», 1939, № 47) и теми аргументами, которыми их дополняет П. Н. Берков (История русской журналистики XVIII в., М.—Л., 1952, стр. 194—195). К пересмотру вопроса об авторстве писем к Фалалею Л. В. Крестова не привлекла сколько-нибудь веских данных. Этого вопроса мы не будем касаться.

² Г. П. Макогоненко. Николай Новиков и русское просвещение XVIII века. М.—Л., 1951, гл. VI, стр. 227—270.

³ Выводы Г. П. Макогоненко и Л. В. Крестовой (еще до опубликования статьи) принял Д. Д. Благой и включил их в свой учебник для вузов по истории русской литературы XVIII века (изд. 2-е, М., 1951, стр. 287; ср. изд. 3-е, М., 1955, стр. 258).

держания произведений, истории журнальных редакций и авторской правки текста, изучения новиковского отношения к делу писателя, автора, его печатных высказываний об анонимности как одном из моментов своего понимания общественного дела писателя». ⁴ Как видим, в этой программе отсутствует анализ художественного метода, языка и стиля писателя.

Обходит вопросы художественной формы и Л. В. Крестова.

Оба исследователя не обращаются к анализу стиля и языка «Отрывка», который был сделан В. П. Семенниковым. ⁵

Уделив рассмотрению этой части работы Семенникова несколько строк, Г. П. Макогоненко не принимает и не отвергает ничего в частности, а просто перечеркивает все одним словом «формализм». ⁶

Л. В. Крестова отказывается рассматривать анализ Семенникова, утверждая, что это лишь «соображения, основанные на сходстве словарного материала». ⁷

Также отвергает Г. П. Макогоненко работы молодых исследователей А. Н. Лурье и И. В. Исакович, анализирующих особенности языка и стиля «Писем к Фалалею» в сравнении с произведениями, безусловно принадлежащими Фонвизину и написанными в тот же период. ⁸

Иронизируя всячески над «кардинальным вопросом» сходства, ⁹ Г. П. Макогоненко отвергает необходимость сопоставления «Отрывка» с другими произведениями Радищева и «Писем к Фалалею» с другими произведениями Фонвизина. Ироническое отношение к «кардинальному вопросу» сходства по сути дела означает, что Г. П. Макогоненко отвергает изучение стиля писателя.

Игнорирование художественной формы привело к тому, что Г. П. Макогоненко и Л. В. Крестова пошли методологически неверным путем при анализе идейного содержания художественного произведения.

Они видят идейное содержание «Отрывка» не в общей картине рабства и бедности, которую рисует «Отрывок» в целом, а в отдельных высказываниях, в частных утверждениях. Г. П. Макогоненко опирается в основном на сообщение путе-

⁴ Г. П. Макогоненко, ук. соч., стр. 238.

⁵ В. П. Семенников. К истории создания «Путешествия из Петербурга в Москву». Сб. «Радищев», М.—Пгр., 1923, стр. 319—364.

⁶ Г. П. Макогоненко, ук. соч., стр. 241.

⁷ «Исторические записки», № 44, 1953, стр. 261.

⁸ «Ученые записки ЛГУ», № 47, 1939, стр. 44—68 и 68—76.

⁹ Г. П. Макогоненко, ук. соч., стр. 255.

шественика о том, что он собирается из деревни Разоренной в деревню Благополучную:

На другой день, поговоря с хозяином, я отправился во свой путь, горя нетерпеливостью увидеть жителей *Благополучных деревни*: хозяин мой столько наказывал мне доброго о помещике той деревни, что я наперед уже возымел к нему почтение и чувствовал удовольствие, что увижу крестьян благополучных.¹⁰

Основываясь лишь на этой фразе, Г. П. Макогоненко находит, что в «Отрывке» заключена идея «урегулирования» отношений между помещиком и крестьянином на началах патриархальных, как отношений между „отцами“ и „детьми“.¹¹

Он сближает «Отрывок» с «Рецептами» Новикова в «Трутне» 1769 года (лист XXIV) и его же статей «В новый год новое счастье» в «Трутне» 1770 года (лист II), где, действительно, помещикам-тиранам противопоставляется идеал помещика-отца.

Г. П. Макогоненко не чувствует или, может быть, не хочет показать, что чувствует несоответствие между трагизмом первой части «Отрывка» и примиряющим смыслом заключительной фразы, будто где-то существует иная, благополучная, жизнь. Исследователь даже не ставит вопроса о противоречивости высказываний, не обращает внимания и на полное несоответствие текста в конце «Отрывка» с относящейся к нему сноской. «Отрывок» заканчивается сообщением автора, что хозяин-крестьянин «столько наказывал ... доброго о помещике той деревни (Благополучной, — Н. Б)», что путешественник заранее радуется предстоящей встрече с «благополучными крестьянами». В сноске же к этому абзацу сказано, что разговор с крестьянином не приводится «по некоторым причинам: благоразумный читатель и сам их отгадать может». Очевидно, содержание разговора опущено по цензурным соображениям, на это и указывает автор.

Л. В. Крестова опубликовала свою работу после того, как П. Н. Берков, возражая Г. П. Макогоненко, обратил внимание на несоответствие содержания и стиля первой и второй частей «Отрывка» и выдвинул предположение о сознательном смягчении издателем «Живописца» Новиковым второй части (поправки и внесение своей концовки).¹² Л. В. Крестова, не рас-

¹⁰ Здесь и в дальнейшем текст «Отрывка» дается по «Живописцу», изд. 2-е, незначительное отличие текста от 1-го издания принято во внимание (Сатирические журналы Новикова, М.—Л., 1951, стр. 332).

¹¹ Г. П. Макогоненко, ук. соч., стр. 242.

¹² П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII века. М.—Л., 1952, стр. 202—203.

сматривая, отвергает предположение П. Н. Беркова, так как, идя дальше Г. П. Макогоненко, она находит идею «урегулирования», или противопоставление жестокого помещика доброму уже в первой части «Отрывка».

«В самом начале „Отрывка“, — пишет Л. В. Крестова, — автор отмечает, что он описывает только „некоторые села, деревни и помещиков их“. Следовательно, путешественник знает как о таких деревнях, где господствует „бедность крестьянская“, так и о таких, где живут „благополучные“ крестьяне. Подобное противопоставление было в высшей степени присуще Н. И. Новикову, бичевавшему помещиков-„тиранов“ в противовес помещикам-„отцам“».¹³

Однако, если обратиться к тексту «Отрывка», картина получается несколько иная:

По выезде моем из сего города, — пишет автор «Отрывка», — я оставившись во всяком почти селе и деревне, ибо все они равно любопытство мое к себе привлекали, но в три дни сего путешествия ничего не нашел я, похвалы достойного. *Бедность и рабство* повсюду встречались со мною во образе крестьян. Непаханные поля, худой урожай хлеба возвещали мне, какое помещики тех мест о земледелии прилагали рачение.

Маленькие, покрытые соломою хижины из тонкого заборника, дворы, огороженные плетнями, небольшие адоньи хлеба, весьма малое число лошадей и рогатого скота подтверждали, сколь велики недостатки тех бедных тварей, которые богатство и величество целого государства составлять должны.

Не пропускал я ни одного селения, чтобы не расспрашивать о причинах бедности крестьянской. И слушая их ответы, к великому огорчению, всегда находил, что помещики их сами тому были виною. О человечество! Тебя не знают в сих поселениях. О господство! Ты тиранствуешь над подобными себе человеками... С великим содроганием чувствительного сердца начинаю я описывать некоторые села деревни и помещиков их. Удалитесь от меня, ласкательство и пристрастие, низкие свойства подлых душ: истина перси моим руководствует!¹⁴

Выхваченная Л. В. Крестовой фраза в контексте получает совершенно иной смысл: путешественник, видевший за три дня множество бедствующих сел и деревень собирается описать только «некоторые». Слово «благополучные», взятое Л. В. Крестовой в кавычки, сбивает с толку читателя ее статьи, — этого слова нет в первой части «Отрывка», где речь идет только о «бедности крестьянской». Это слово взято ею из второй части.

¹³ Л. В. Крестова, ук. соч., стр. 262.

¹⁴ Сатирические журналы Новикова, стр. 295. — Разрядка моя, — Н. Б.

Таким образом, попытка Л. В. Крестовой найти опору для своей точки зрения в первой части «Отрывка» не является убедительным подкреплением позиций Г. П. Макогоненко, основывающего свой вывод исключительно на второй части «Отрывка».

Идейное содержание «Отрывка» сводится у обоих исследователей, развивающих гипотезу об авторстве Новикова, к последней заключительной фразе второй части.

Допустим, что автор «Отрывка» (кто бы он ни был) действительно убежден в существовании благополучных деревень. Но ведь благополучная жизнь крестьян не показана (и, как известно, так и не была показана впоследствии). Мы имеем дело только с изображением бедственного положения крестьян и судим и должны судить об «Отрывке» именно по этому изображению.

Широкая и мрачная картина бедственного положения крепостных крестьян, проникнутая чувством возмущения и негодования, была выступлением не против Григория Терентьевича, не против помещиков-тиранов, а против крепостного права вообще.

Антикрепостническую суть «Отрывка» отметил Н. А. Добролюбов. Он говорил, что «Отрывок» ставит под сомнение «законность самого принципа крепостных отношений».¹⁵

Именно как выступление против крепостного права восприняла «Отрывок» и часть современников.

Об этом свидетельствует «Английская прогулка» Новикова, написанная для того, чтобы истолковать «Отрывок» как выступление против злоупотребления «дворянским преимуществом» и как «порицание» «худых дворян»,¹⁶ т. е. с целью смягчить его антикрепостническую силу.

«Английскую прогулку», этот интереснейший для истории «Отрывка» документ, обходят сторонники авторства Новикова.

Об этом важном материале нам придется сказать подробнее ниже.

Итак, к чему же привело Г. П. Макогоненко, а затем и Л. В. Крестову невнимание к тексту «Отрывка» в решении вопроса об его авторе?

Прежде всего к неправильному пониманию идейного содержания произведения; к сглаживанию его социальной остроты, к затушевыванию его демократической основы.

Свои суждения относительно авторства Новикова оба исследователя основывают и еще на одном утверждении.

¹⁵ Н. А. Добролюбов. Русская сатира в век Екатерины. Полн. собр. соч. в 6 томах, т. II, Л., 1935, стр. 173—174.

¹⁶ «Живописец», 1772, лист 13 (Сатирические журналы Новикова, стр. 327—328).

Г. П. Макогоненко, например, указывает, что в основании «Отрывка» и «Путешествия из Петербурга в Москву» «положены две глубоко различные и враждебные друг другу идеи. «Путешествие» Радищева строится на революционной идее, «Отрывок» — нет, следовательно, «Отрывок» написан не Радищевым, — говорит Макогоненко. Утверждение, что автором «Отрывка» является Радищев, по мнению исследователя, «искажает действительное положение вещей и принижает первого русского революционера».¹⁷

Действительно, революционной идеи в «Отрывке» нет. Но это не может быть доказательством против авторства Радищева.

«Отрывок» написан в 1772 году, его появление связано с бесправием крестьян в России, с остротой крестьянского вопроса. «Путешествие из Петербурга в Москву» вышло в свет через 18 лет после «Отрывка». Начало работы над «Путешествием» отделено от «Отрывка» десятилетним промежутком. В это десятилетие произошло восстание под руководством Пугачева. В эти годы формировалось мировоззрение писателя. «Отрывок» мог писать молодой человек 23 лет, потрясенный при возвращении на Родину из-за границы положением народа. Над «Путешествием» работал накопивший богатый материал, переживший крестьянское восстание и сделавший из него свои выводы зрелый писатель.

Л. В. Крестова стремится подкрепить слабые места концепции Г. П. Макогоненко, учитывая критику в его адрес. Она утверждает, например, что Радищев будто бы уже в 1773 году обнаруживал революционность. Л. В. Крестова говорит об этом осторожно, избегая употреблять такие слова, как *революция* или *восстание*: «Он еще в 1773 г. — в примечании к переводу Мабли — отмечал право народа на активное действие», в то время как для автора «Отрывка» «народ — это пассивная забытая масса».¹⁸

Но в примечании Радищева к переводу Мабли говорится о правах народа (не русского народа, а народа вообще) в государстве (не в России, а в идеальном государстве, где, как подчеркнуто Радищевым, «государь есть первый гражданин народного общества»).¹⁹ Закон — вот основа отношений между народом и государем, нарушение закона государем дает право народу судить его. Такова основная мысль примечания. О революционной активности в нем нет и речи.

¹⁷ Г. П. Макогоненко, ук. соч., стр. 242—243.

¹⁸ Л. В. Крестова, ук. соч., стр. 261.

¹⁹ А. Н. Радищев, Избранные сочинения, М., 1952, стр. 3.

Пытаясь представить дело так, будто Радищев в 1773 году смотрел на народ так же, как и в 80-е годы, Л. В. Крестова забывает что мировоззрение не есть «нечто законченное, не содержащее никаких противоречий»,²⁰ т. е. это те же слова, которыми она сама упрекала Г. П. Макогоненко в упрощенном подходе к мировоззрению Новикова (Новикова, но не Радищева!).

Неверно представление обоих исследователей об отношении писателей-издателей журналов к писателям — участникам журналов.

Отношения между издателем журнала и писателями — сотрудниками журнала — в XVIII веке не были определены какими-либо законами. Во второй половине XVIII века затраты по изданию нес издатель журнала, и весь доход с издания принадлежал ему. Он мог делиться со своими сотрудниками по своему усмотрению. Все, что отдавалось издателю журнала, поступало в собственность данного журнала и могло переиздаваться в дальнейшем; разрешение автора для этого не требовалось.

Представление о «чужих» и «своих» сочинениях в 1770-х годах были еще не очень определены. Своим «сочинением» считались переводы и переделки чужого; встречается частичное использование текста чужого сочинения в своем без всяких ссылок и даже издание чужого сочинения при жизни автора без его ведома (правда, с извинениями в предисловии).²¹

На основе неверных представлений о том, будто в текст «Отрывка» во всех позднейших изданиях мог вносить правку только его автор, строится исследовательская часть работы Л. В. Крестовой.

Сличая тексты «Отрывка» и «Писем к Фалалею», напечатанных в 1806 году в «Московском собеседнике», с текстом их в «Живописце» 1772, 1773 и 1775 годов, Л. В. Крестова установила, что в «Собеседнике» в текст этих произведений внесен ряд поправок, а в «Отрывке» сделаны и композиционные изменения.

Из отмеченных Л. В. Крестовой существенными в «Отрывке» являются следующие поправки:

1) в тексте той части «Английской прогулки», которую можно было бы назвать рассуждением о положении крестьян

²⁰ Л. В. Крестова, ук. соч., стр. 271.

²¹ Эти наблюдения проведены при описании собрания изданий XVIII века Государственного литературного музея (около 4000 томов). Примером подобной практики может служить издание книги «Нрав кардинала Ришелье» (СПб., 1776), автор этого произведения не назван, но к нему обращается издатель.

и которая в «Московском собеседнике» присоединена к «Отрывку» и является как бы концовкой его, добавлены два существенные штриха, рисующие положение крепостных — телесные наказания и массовое бегство крестьян от помещиков;

2) выпущено все, что касается деревни Благополучной.

Эти поправки, действительно, усиливают критическое звучание «Отрывка». Верно, что это не случайные «безграмотные» поправки, какими показались они П. А. Ефремову.²² В этом Л. В. Крестова права.

Но неправа она в выводе: если Новиков правил текст, значит он автор «Отрывка».

Л. В. Крестова считает, что добавления в «Английской прогулке» восстанавливают первоначальный текст, измененный в 1772 году самим Новиковым по цензурным соображениям.

Но она не рассматривает публикацию «Отрывка» в «Московском собеседнике» с точки зрения восстановления пропусков 1772 года в целом.

В тексте «Английской прогулки» и «Отрывка» в «Живописце» 1772 года было пять пропусков — четыре в тексте «Прогулки» и один во второй части «Отрывка». Все пропуски в «Английской прогулке» были означены отточием. Два первых сопровождалась сносками, в которых говорилось о необходимости редакционных пропусков по цензурным соображениям. Такая же сноска была дана во второй части «Отрывка».

В «Московском собеседнике» были сняты сноски только в тексте «Английской прогулки», сноска же в тексте «Отрывка» оставлена. При новой композиции «Отрывка» эта сноска приходится перед текстом из «Английской прогулки». В нее внесены некоторые поправки. «Я не включу <1772 — «включил»> в сей листок разговоров <1772 — «разговор»> путешественника со крестьянином по некоторым причинам: благоразумный читатель и сам их отгадать может».²³ В данном случае в «Московском собеседнике» оставлено прямое указание на изменение, сделанное по цензурным соображениям. Никаких вставок в места, обозначенные отточиями или сносками без отточий, в тексте «Отрывка» в «Московском собеседнике» не сделано.

Единственное дополнение, внесенное в текст в «Московском собеседнике», — именно то, которое рассматривает Л. В. Крестова, — сделано выше отточия, которое тем не менее сохранено. Осталось также и отточие, обозначающее следующий затем

²² «Живописец», изд. 7-е (под ред. П. А. Ефремова), СПб., 1864, стр. 327.

²³ «Московский собеседник», 1806, ч. II, стр. 172.

пропуск в тексте «Английской прогулки».²⁴ Отточия выпали только там, где была произведена перекомпановка текста.

Рассмотрим, как изменился текст 1772 года в «Московском собеседнике» (варианты приводятся в угловых скобках):

«Кто не согласится, что есть дворяне, подобные описанному вами? <М. С. Здесь описанному>? Кто посмеет <М. С. Кто дерзнет> утверждать, что сие злоупотребление недостойно осмеяния? <М. С. Здесь описан помещик, не имеющий ни здравого рассудка, ни любви к человечеству, ни сожаления к подобным себе; и следовательно, описан дворянин, властью свою во зло употребляющий> И кто скажет, что худое рачение помещиков о крестьянах не наносит вреда всему государству. <М. С.—> Пусть вникнут в сие здравым рассуждением, <М. С. :> тогда увидят, отчего останавливаются и приходят в недоимку государственные поборы. Отчего <М. С. поборы; отчего> происходит то, что крестьяне наши бывают бедны, <М. С. бедны;> отчего во дворянских поместьях имеется много изуверченных; отчего многие скитаются по лесам и степям без пропитания, оставив свои дома, родственников, друзей и все, что имеют; отчего упало скотоводство; отчего у худых помещиков и у крестьян их частые бывают неурожаи <М. С. частые неурожаи> хлеба? Не все ли сие проистекает от употребления во зло преимущества дворянского?»²⁵

Итак, говорить о восстановлении в «Московском собеседнике» всех редакционных пропусков 1772 года, сделанных по цензурным соображениям в тексте «Английской прогулки», нет оснований.

Даже если таким восстановлением счесть дополнение о наказаниях и бегстве крепостных, сделанное не на месте отточия, а выше, то и тогда следует говорить о восстановлении одного из пропусков.

Если, как утверждает Л. В. Крестова, правка 1806 года принадлежит Новикову и он сам восстановил в тексте «Английской прогулки» пропуски 1772 года, то ведь и снятая при этой правке фраза о деревне Благополучной должна была быть добавлена Новиковым в 1772 году, чтобы оградить «Отрывок» от цензуры, а это опровергает одно из основных положений Л. В. Крестовой.

Как ни соблазнительно предположение о восстановлении Новиковым первоначального текста в 1806 году, можно в этом усомниться: восполнив один из пропусков, он должен был бы восполнить и остальные.

Исправления в тексте несомненно принадлежат человеку, стоявшему на позициях защиты прав крестьянства. Л. В. Крестова, учитывая поправки в тексте, даже самые незначительные, не обратила внимания на такую поправку: «Бедность и рабство

²⁴ Там же, стр. 173, 174.

²⁵ Сатирические журналы Новикова, стр. 327—328.

повсюду встречаются <вместо в с т р е ч а л и с я, — Н. Б.> со мною в образе крестьян». А эта поправка говорит о стремлении использовать в 1806 году действенную антикрепостническую силу «Отрывка», сказать при помощи этого произведения, написанного 34 года назад, о бедственном положении крестьян сейчас, в 1806 году.

Новый материал, который привлечен для доказательства, что автором «Отрывка» является Новиков, свидетельствует только об одном — о том, что отредактированный кем-то «Отрывок» через много лет после своего появления был вновь использован как яркое и смелое слово против крепостничества.

Л. В. Крестова выдвигает еще один довод в пользу авторства Новикова. Она пытается доказать, что «Отрывок» был связан с журнальной полемикой 1769 года. «Отрывок» является «полемическим выпадом» Новикова против журнала Екатерины II, утверждает Л. В. Крестова, и «был написан именно по тому плану, который намечался „Всякой всячиной“. По соображениям осторожности Новиков опубликовал его почти через три года».²⁶

Если мы обратимся к указанным Л. В. Крестовой страницам «Всякой всячины», то вместо обнаруженных исследовательницей сообщения о путешествиях, начинания, связанного с путешествиями, и плана путешествия, найдем две большие статьи, содержание которых совсем не имеет отношения к путешествиям. Одна из них (№ 96) иронизирует над общественными интересами передовых сатирических журналов и чернит главного противника Екатерины II в полемике — Правдулюбова — Новикова. Другая (№ 105) изображает острый момент полемики 1769 года, когда на «Всякую всячину», вслед за «Трутнем», набросились журналы «Смесь» (лист 12), «Адская почта» (июль—август), «И то и се» (28-я неделя, июль).

Сказанное в статье № 96 об отправке «в другую столицу» «послов», которые являются «глазами» и «ушами» журнала императрицы на всех «гуляньях, празднествах или иных народных собраниях»,²⁷ преследует лишь одну цель: показать, что императрице известны все факты общественной жизни Петербурга и Москвы. «Послы» проникают всюду, от них ничего не скроешь, и автор статьи № 96 дает понять, что ему известно, кто прячется под прозрачную «епанечкою правды»,²⁸ т. е. под псевдонимом Павдулюбова.

²⁶ Л. В. Крестова, ук. соч., стр. 282—284.

²⁷ «Всякая всячина», СПб., 1769, стр. 249

²⁸ Там же, стр. 251.

В другой статье (№ 105) говорится о тяжелом положении «послов» журнала. Они не успевают отвечать на перекрестные вопросы «детей, внучат и правнучат до четвертого колена». «Послы» «чуть не остались коротки на ответы за усталю», но, к счастью, они имели при себе «дневные записки своей езды», «которые много им послужили для довольствования желающих знать о часах выезда и приезда на каждой почтовой станции, так же о числе лошадей, о избах... о ночлегах и о прочем подобном».²⁹

Все упомянутые аксессуары почтовой езды, в которых Л. В. Крестова увидела план некоего путешествия, всего лишь элементы аллегии, изображающей столкновение «Всякой всячины» с другими журналами, а «дневные записки» — буквальный перевод слова «журнал».

Статьи «Всякой всячины», к которым обратилась Л. В. Крестова, вышли в самый разгар полемики 1769 года (июль—август). И Новиков тогда же, а не через три года, ответил на обе эти статьи Екатерины II, как ответил он ч на статью № 103 («Некогда читал некто следующую повесть»). Ответы его можно найти в XX и XXI листах «Трутня» от 8 и 15 сентября 1769 года (статьи №№ 33, 35, 37).

Итак, предпринятые в последние годы попытки решить вопрос об авторстве «Отрывка» в пользу Новикова не могут быть признаны удовлетворительными.

Пути решения вопроса лежат в изучении характерных особенностей творчества предполагаемых авторов.

Только при изучении языка и стиля писателя в целом можно найти характерные черты этого стиля в одном из его произведений. Разумеется, стиль писателя должен рассматриваться в развитии. Те, кто до сих пор отмечали стилистическое сходство «Отрывка» с «Путешествием» Радищева, допускали одну существенную ошибку — они отождествляли «Отрывок» с «Путешествием». Вместо того, чтобы выделить основное, сосредоточить внимание на характерных чертах стиля и особенностях «Отрывка», которые затем повторялись в других произведениях Радищева, исследователи проводили множество частных параллелей и сопоставлений. В конечном счете на «Отрывок» стали смотреть как на часть «Путешествия», на его начало (В. П. Семенников). Попытаемся пополнить историю создания «Отрывка» путем сравнения текстов «Отрывка» и «Английской прогулки» (напомним, что последняя не принималась во внимание сторонниками авторства Новикова).

²⁹ «Всякая всячина», стр. 270—271.

«Английскую прогулку» Новиков писал два месяца спустя после того, как вышла первая часть «Отрывка», и непосредственно перед тем, как была опубликована его вторая часть; она написана по поводу «Отрывка» и ради него: Новиков старается смягчить впечатление, произведенное первой частью «Отрывка». Помещая первую часть «Отрывка» в своем журнале, Новиков понимал, что это «блюдо» «приготовлено очень солоно»,³⁰ но, очевидно, не предвидел той реакции, какую вызовет «Отрывок». Судя по сказанному в «Английской прогулке», «Отрывок» вызвал возмущение одной части общества и одобрение другой.

Вероятно, Новикову было передано неодобрение Екатерины II, а может быть, он получил предупреждение о каких-либо мерах, предпринимавшихся в отношении журнала. Перед публикацией второй части «Отрывка» Новиков готовится к нападению цензуры: об этом свидетельствуют сделанные им в тексте «Английской прогулки» и последовавшего за ней «Отрывка» купюры и сноски, в которых он весьма ясно говорит о вынужденности уступок.

Почему статья Новикова, посвященная «Отрывку», названа «Английской прогулкой»? Это поясняется во второй части статьи. В ней говорится о «перенимании» у «иностранных» вообще и о вкусе в последнее время к английскому («Всё английское кажется нам теперь хорошо, прелестно, всё нас восхищает»). Сказав о пороках «иностранных», но также отметив и «добрые» свойства других наций, Новиков продолжает: «Некоторые из нас удивлялись шатавшимся провинциальным английским актерам, а своих имеем, которые равняются с наилучшими английскими актерами и актрисами, но, однако ж, они нам не удивительны потому, что они русские».

Следующий (последний) абзац поясняет, какое отношение все это имеет к «Отрывку»: «Когда ж всё английское в такой у нас превеликой моде, то для чего любители иностранных вкусов не почитают пятый ваш листок в английском вкусе написанным: там дворяне критикуются так же, как и простолюдины. Я сожалею, что вы в заглавии сего сочинения не написали: *Путешествие, в английском вкусе написанное*, может быть, что это название вместо порицания, привело бы его в моду». Затем «почтенный человек», от лица которого высказываются все суждения об «Отрывке», просил дать статье название «Английской прогулки».

Смысл предлагаемого заглавия ясен: критиковать надо так, как принято в Англии, то есть подвергать критике все обще-

³⁰ Сатирические журналы Новикова, стр. 298.

ственные группы без исключения. Свобода печати в Англии хорошо была известна русским читателям. «Путешествие, в английском вкусе написанное» означало свободную, беспристрастную критику.³¹

«Английская прогулка» писалась в напряженной атмосфере ожидания неприятностей в связи с публикацией «Отрывка» — произведения, уже осужденного за смелость и резкость. Чтобы закончить публикацию «Отрывка» и, вместе с тем, обезопасить и сохранить журнал, всё в статье должно было быть подчинено только этой одной основной теме, поэтому каждое слово «Английской прогулки» связано с «Отрывком».

Создание «Отрывка», как мы уже указывали, было связано с первыми, очень сильными и особенно контрастными впечатлениями Радищева от России после возвращения из-за границы.

Смотреть на «Отрывок» как на начало «Путешествия из Петербурга в Москву» нет оснований. Молодой Радищев, несколько месяцев назад вернувшийся из Лейпцига, не мог задумать такую большую книгу, как «Путешествие». Он еще мало знал о жизни народа в России. Он только начинал узнавать о ней. В «Отрывке» чувствуется жадный интерес путешественника к жизни крестьян: «... я останавливался во всяком почти селе и деревне, ибо все они равно любопытство мое к себе привлекали...», «не пропускал я ни одного селения, чтобы не спрашивать о причинах бедности крестьянской».³²

Активное стремление узнать правду о жизни народа вызывалось глубоким разрывом между патриотическими чувствами и ожиданиями молодого человека, готовившегося принять участие в улучшении жизни народа, и той действительностью, которая открывалась перед ним с первых же шагов по русской земле. «Вспомни о восторге нашем, когда мы узрели между, Россию от Курляндии отделяющую... — писал Радищев в «Житии Федора Васильевича Ушакова», — ... если кто, понимая, что есть исступление, скажет, что не было в нас такового и что не могли мы тогда жертвовать и жизнью и для пользы отечества, тот, скажу, не знает сердца человеческого. Признаюсь, и ты, мой любезный друг, в том признаешься, что последовавшее по возвращении нашем жар сей в нас гораздо умерило».³³

³¹ Напомним, что писал по этому поводу впоследствии Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву» (глава «Торжок» — «Краткое повествование о происхождении цензуры»): «Скончавшись, в 1694 году вольность печатания утверждена в Англии совершенно, и ценсура, зевнув в последний раз, издохла» (А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. I, Изд. АН СССР, М.—Л., 1938, стр. 346).

³² Сатирические журналы Новикова, стр. 295.

³³ А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. I, стр. 173.

Вот этот-то разрыв между ожидаемым и сущим и порождает чувство горечи и негодования, которым проникнут «Отрывок».

Первые впечатления, полученные в России уже давали толчок критической мысли, а в Петербурге молодого Радищева ожидало знакомство с итогами деятельности Комиссии (он не мог не интересоваться тем делом, к которому готовился). Эти итоги заключались не только в официальных отчетах, но в определенном, уже отстоявшемся общественном мнении о созыве и роспуске Комиссии и о дискуссии в ней по крестьянскому вопросу. Передовые сатирические журналы 1769—1770 годов, особенно «Трутень» и «Смесь», давали определенное освещение положению народа в России. Знакомство Радищева с опытом передовой мысли 1760 и 1770-х годов в крестьянском вопросе, пусть даже самое беглое, не могло не вызвать естественного желания увидеть жизнь народа своими глазами, услышать о ней от самих крестьян.

Своеобразной чертой Радищева является то, что он не только рисует жизнь народа как художник, но и изучает ее как исследователь. В «Отрывке» Радищев только приступает к изучению народной жизни, в «Путешествии» он выступает уже как историк, экономист, философ, словом, как ученый, хорошо знакомый с итогами своего и чужого изучения. Уже начало «Отрывка» говорит нам о сочетании взгляда художника, воспринимающего все обостренно чутко, с пронизательностью исследователя, стремящегося к накоплению и анализу материала.

Собственные живые наблюдения Радищев мог вынести из поездки к родителям в Верхнее Абязово (Саратовской губ.).³⁴

Знакомству же его с жизнью крестьян в России предшествовали годы изучения трудов западноевропейских просветителей, и в частности Мабли.³⁵ Учение Мабли о народном суверенитете и бесправное положение крестьян в России — вот что определяло позицию автора «Отрывка».

Своеобразие «Отрывка путешествия» заключалось в свободном направлении гражданских чувств, в смелом голосе, разоблачающем истинное положение угнетенного народа. Чувства

³⁴ Она подтверждается документально, см.: Г. П. Макогоненко. А. Н. Радищев и его время. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук, Л., 1955, стр. 17. Указав, что «рапорт пензенского воеводы свидетельствует, что Радищев, будучи дома, тяжело заболел», Г. П. Макогоненко на этом основании отрицает принадлежность «Отрывка» Радищеву. Но разве не известно, как фабриковались такие «рапорты» для продления отпуска.

³⁵ В. В. Мияковский. Учебные годы А. Н. Радищева. «Голос минувшего», 1914, № 5, стр. 91—95. — Ср. статью Ю. М. Лотмана «Радищев и Мабли» в настоящем томе, стр. 276—308. — *Прим. ред.*

путешественника направлены к убеждению других: выражение их публицистично.

Это отражается в напряженных интонациях авторских отступлений. Такой характер авторских отступлений — особенность стиля «Отрывка», которая встречается также и в «Путешествии из Петербурга в Москву». Но авторские отступления «Путешествия» более разнообразны по интонациям, более выразительны — словом, более совершенны.

Был ли «Отрывок путешествия в * * И * * Т * * » действительно отрывком — частью большого произведения? Нет. Он был самостоятельным произведением. Из чего это следует?

Стремление представить «Отрывок» в качестве части большого произведения («глава XIV») совпадало с традицией сатирических журналов Новикова вообще, которым свойственно большое разнообразие форм, при этом форм, как бы взятых из самой жизни: объявления, газетные сообщения («ведомости»), письма, рецепты, официальные документы и др. В таком же плане надо принимать «Отрывок». Композиция «Отрывка», особенно декларативный характер вступления, говорят о том, что перед нами начало некоего произведения, но в журнал было дано сочинение небольшого объема: в примечании к первой части «Отрывка» Новиков называет его «сочиненьцем».³⁶ «Сочиненьце» было названо автором, а вернее всего, автором вместе с издателем, «Отрывком путешествия в * * И * * Т * * ». Что скрывается под этими буквами и звездочками? Под первой, очевидно, название местности. Под второй и третьей некоторые исследователи пытались угадать имя и фамилию или псевдоним автора. Я полагаю, что слова, обозначенные И * * Т * * составляют часть заглавия.

Л. В. Крестова изменила заглавие, вынеся из него буквы «И. Т.» заменив при этом звездочки точками. «И * * Т * * » — не инициалы. Нигде в русских журналах этого времени вы не встретите инициалов действительных лиц в подписях с добавлением звездочек. В том же журнале Новикова имена и фамилии обозначаются начальными буквами с точками: В. Р. — Василий Рубан, П. П. — Павел Потемкин и др.

То, что Новиков назвал автора «Отрывка» в своем примечании к первой части «господином И. Т.», не дает оснований изменять название произведения. За этими буквами скрывается часть заглавия, а примечание Новикова позволяет понять, какая именно часть: эта часть заглавия называет, и не просто называет, а характеризует путешественника.

³⁶ Сатирические журналы Новикова, стр. 298.

Можно предположить, каким путешественником считал себя автор «Отрывка». Откровенно описывающий тяжелую жизнь своего народа, вопреки утверждениям Екатерины II о полном благоденствии ее подданных, путешественник стремился к установлению истины.

В начале «Отрывка» писатель восклицает: «Истина пером моим руководствует!». В примечании к первой части «Отрывка» Новиков дважды употребляет слово «истинный». Встречается оно и в «Английской прогулке». Возможно, звездочки были не в оригинальном тексте, а проставлены Новиковым, знавшим полное обозначение заглавия. Всё это наводит на мысль, что под буквою «И» с тремя звездочками могло скрываться слово «Истинный». Русский путешественник — истинный — кто? Может быть — т и р а н о н а в и с т н и к. Содержание «Отрывка» не противоречит этому. Убеждения Радищева, прямо высказанные в примечаниях к переводу труда Мабли, над которым писатель работал как раз в это время, поддерживают это предположение, но, конечно, настаивать на том, что под буквою «Т***» скрыто именно это слово, — нельзя.

Вопрос об авторе «Отрывка» пока еще остается открытым. Но думаем, что есть основания сказать: «Отрывок путешествия в *** И*** Т***» преждевременно включать в издание сочинений Н. И. Новикова.